

... ПРОЛОГ ...

—РЭ-ЭЙШ!
Я слегка поморщился от пронесшегося по коридору рева, но не мог не отдать должное Корну, который, судя по всему, с точностью до сотой доли свечи знал, когда именно я появлюсь в коридоре третьего этажа его драгоценного Управления.

С визуализатором, что ли, все утро сидел? Или ему снизу доложили, что я уже явился, и он решил поторопить события, да еще и сделал так, чтобы мимо него я уж точно не промахнулся?

Народ, который, по обыкновению, толпился возле его кабинета, проводил меня сочувствующими взорами. Кто-то даже ободряюще похлопал по плечу, кто-то просто поздоровался, а кто-то вполголоса пожелал удачи. Несмотря на то что в последний месяц я в ГУССе почти не появлялся, пока мы разбирались с «проклятием королей», хороших знакомых у меня появилось немало. В том числе и здесь.

Интересно, зачем же я все-таки понадобился шефу, да еще в такую рань?

Зайдя в кабинет и плотно закрыв за собой дверь, я в очередной раз наткнулся на тяжелый немигаю-

щий взгляд Корна и, привычно его проигнорировав, уселся в стоящее рядом кресло.

Шеф угрюмо молчал, по-прежнему буравя меня злобным взглядом.

Я тоже решил раньше времени не выступать, благо вины за мной никакой не было. Хотя кто бы знал, что невинная шутка его единственной дочери приведет к таким долгоиграющим последствиям? Понятно, что с учетом ниспосланного видения Фола шутка оказалась не такой уж и шуткой, однако после уничтожения Врат на меня навалилось так много дел, что передохнуть было некогда. Объяснения, встречи, отчеты... За три месяца моего пребывания во Тьме успело столько всего случиться, что я неделю только разгребал текущие дела. От работы с учениками меня тоже никто не освобождал. А уж сколько времени мне пришлось проторчать в первохраме... Неудивительно, что Натали я практически не видел. Разве что во снах? Сама она напоминать о моем обещании тоже не торопилась. Тогда как Корн...

Глянув на побагровевшую физиономию шефа, у которого разве что пар из ноздрей не шел, я искренне ему посочувствовал. Бедняга. Кажется, он каждый день на протяжении целого месяца с ужасом ждал, когда же я наконец вручу ему уведомление о помолвке.

— Ты знаешь, что это такое?! — наконец процедил Корн, подняв со стола какую-то бумагу.

Я флегматично пожал плечами:

— Не имею ни малейшего понятия.

— Твоя работа?!

— Увы. Но нет.

— Не верю!

При виде моего вселенского спокойствия шеф расвирепел еще больше, но мне и впрямь было невдомек, какого Фола он выдернул меня из постели, да еще и тряс какой-то бумаженцией с таким видом, словно в ней был собран страшный компромат.

Бумага как бумага. Гербовой печати нет — значит, не приказ и не королевское уведомление. Какой-то текст на ней виднелся, но написан явно вручную, причем совершенно точно не мной. Однако подпись я не рассмотрел, поэтому и сказать на этот счет ничего не мог. Ну а раз сказать было нечего, то я снова пожал плечами и промолчал, терпеливо ожидая, когда шеф все-таки соизволит пояснить причину своего сегодняшнего недовольства.

— Пошли со мной, — наконец опустил плечи Корн и, убрав непонятную бумажку в стол, поднялся.

— Куда?

— Куда надо! — рывкнул он, отбив у меня всякое желание спорить.

В полном молчании мы вышли в заполненный народом коридор. Провожаемые недоумевающими взглядами, так же молча свернули за угол. Затем спустились по лестнице на второй этаж, на первый, в подвал. И вот тогда у меня начали зарождаться первые нехорошие подозрения.

Корн, разумеется, и по дороге ничего не стал пояснять. Но я на всякий случай перебрал в уме последние дела, попытался припомнить, не получал ли Лив – Йен все еще был на учебе – официальных порицаний от начальства. Порылся в мелких недочетах, которые при всем старании наших магов все же иногда мелькали в бумагах, но грубых нарушений не нашел и еще больше насторожился.

Что за дела? Зачем шеф потащил меня в местное подземелье? Кроме архива, схрона с артефактами и тюремных камер там ничего интересного не было. Но поскольку архив мы уже благополучно миновали, да и коридор, ведущий в схрон, только что остался позади, то происходящее мне начинало активно не нравиться.

Сделав знак одному из охранников, Корн велел открыть толстенную, ведущую к камерам дверь, после чего решительно прошел по широкому коридору, с двух сторон которого виднелись одинаковые стальные двери, и уверенно проследовал к камере номер сто одиннадцать. После чего поднял ладонь на уровень глаз, но вместо того, чтобы приложить ее к магическому замку, вдруг одарил меня цепким и каким-то недобрый взглядом.

– Что? – скептически приподнял я одну бровь. – Неужто вы наконец-то нашли повод упечь меня за решетку, шеф? А весь этот фарс был задуман сугубо ради того, чтобы я раньше времени не сбежал?

Корн скривился.

— Если бы у меня был повод, ты бы уже занял «сотую». Навечно.

Я покосился в противоположный конец коридора, где виднелась самая мощная и толстая дверь, увешанная умопомрачительным количеством охранных заклинаний. Одиночка, естественно. Та, что для особо опасных преступников.

— Хм. Так вы ее специально для меня пустой держите?

— А то, — не моргнув глазом подтвердил «добрый» шеф и приложил ладонь к замку.

Тот тихо пискнул, и светящийся красным огонек сменился на зеленый, после чего тяжелая дверь дрогнула и неохотно поползла в сторону, открывая вид на прочную решетку, за которой виднелась погруженная в полумрак камера.

Тот факт, что решетка оказалась закрыта, говорил о том, что камера не пуста. Однако внутри почему-то никого не было — стоящие вдоль стены нары пустовали, да и в углах не виднелось ни людей, ни потусторонних тварей, ни даже теней от них. Ни магии, ни ауры, ни тел.

Эм. Я не понял, это что, шутка?

— А-артур Рэ-э-эйш? — вдруг донесся изнутри чей-то тихий шепот.

Честное слово, я не трус, но в кои-то веки от происходящего у меня шерсть на загривке встала дыбом. Благоволение Тьмы, невидимая броня под рубашкой, вот-вот готовая выскочить из пустоты секира... однако меня все равно окатило

настолько скверным предчувствием, что от него мигом взмокла рубаха на спине и до боли свело челюсти.

Неожиданно откуда-то сверху раздался тихий хруст, и я вскинул голову, настороженно рассматривая прилепившееся к потолку камеры нечто.

На первый взгляд *это* походило на человека. Вернее, на тощую полуголую старуху, которая висела головой вниз прямо на металлическом потолке и пристально рассматривала меня черными провалами глаз. Сморщенное лицо, серая шелушащаяся кожа, свисающие вдоль впалых щек седые лохмы, неестественно острые зубы, кривые пальцы, каким-то чудом позволяющее ей держаться за потолок...

— Что это за тварь? — ровно поинтересовался я, не сводя со старухи напряженного взгляда.

— Понятия не имею, — так же ровно отозвался стоящий рядом Корн. — Полчаса назад доложили, что у дверей Управления сидит какая-та бабушка и спрашивает тебя.

Я прищурился.

— Она кого-нибудь поранила?

— Нет. Но всем, кто проходил мимо, она задавала один и тот же вопрос, чем и привлекла к себе внимание дежурного мага.

У твари с оглушительным хрустом вдруг башка повернулась на сто восемьдесят градусов, а из сморщенного рта снова вылетел приглушенный шепот:

— А-артур Рэ-эйш?

Причем мне отчего-то показалось, что и голос, и интонация были смутно знакомыми.

Что за чепуха?

— Мои лекари ее осмотрели и единогласно заключили, что женщина безумна, — тем временем сообщил шеф. — Но поскольку она была одна, сидела прямо у входа в здание и могла представлять опасность для окружающих, мы на всякий случай препроводили ее сюда. По дороге она никого не тронула, — тихо добавил Корн. — Вела себя спокойно, не сопротивлялась, не кричала, но постоянно спрашивала тебя. Я решил, что ты должен на нее взглянуть.

В этот момент тварь с новым хрустом оторвала от потолка ладони, тяжелым комком шлепнулась на пол, после чего резко выпрямилась и снова на меня посмотрела. Но я уже не сомневался, что от человека тут была одна оболочка: голова бабки так и осталась повернутой на сто восемьдесят градусов, так что лицо ее было обращено к нам, тогда как туловище — к противоположной стене. Но что самое интересное, твари это, похоже, ничуть не мешало. Всмотревшись в мое лицо, она вдруг расплылась в жутковатой ухмылке и торжествующе, словно констатируя факт, повторила:

— Артур Рэйш!

После чего ее туловище внезапно раздулось, деформировалось, рывком приняло нормальное положение. Руки и ноги одновременно отвалились, с мерзким шлепком ударившись о металлический пол, из образовавшихся отверстий выдвинулись

длинные, хищно загнутые, смутно напоминающие паучьи лапы. А затем преобразившаяся тварь, раззявив широкую пасть, прошипела:

— Умри!

И с огромной скоростью ринулась в мою сторону.

... ГЛАВА 1 ...

Следственный изолятор в ГУССе был построен с умом, а его камеры имели не только крепкие решетки, но и необходимую степень магической защиты. К примеру, камера сто одиннадцать была рассчитана на среднего по уровню мага, причем как светлого, так и темного. Была способна удерживать внутри и обласканного Тьмой безумца, и полноценного обитателя темной стороны вроде моргула или вампира. Толщина стен здесь превышала стандартную в два с половиной раза. Стальная облицовка была до отказа напичкана магией. Да и решетка создавалась под стать — прутья толщиной в два моих пальца, надежные, прочные, такие без специальных приспособлений не согнешь и тем более не сломаешь.

Я знал об этом и разумом прекрасно понимал, что выбраться из такой камеры любой твари будет проблематично, однако недавно появившееся предчувствие внезапно усилилось и так обожгло, что я со всей доступной скоростью метнулся прочь и, оттолкнув Корна в сторону, прикрыл его собой.

И, надо сказать, очень вовремя. Потому что в этот же самый момент казавшаяся несокрушимой решетка с диким скрежетом вылетела из пазов и, просвистев через коридор, с ужасающим грохотом врезалась в дверь камеры напротив. А следом за ней, разворотив проем, выбралась на редкость мерзкая тварь, о происхождении которой можно было только догадываться.

Больше она ничем не напоминала тщедушную старушку — преобразование оказалось всеобъемлющим и практически мгновенным. Теперь от безумной бабки здесь осталась только голова — сравнительно небольшая, сморщенная и обрамленная спутанными седыми волосами. При этом кожа на ней еще больше потемнела, почти почернела, словно опаленная невидимым огнем. Бледные губы сморщились, истончились. За ними отчетливо проступили треугольные зубы. Нос, наоборот, провалился, оставив на своем месте неровную дыру. Тогда как в глазах вспыхнуло багровое пламя, как если бы внутрь бросили горсть горячих углей.

Тело у твари тоже преобразилось. Туловище еще больше деформировалось и заметно вытянулось, отчего росту в бабке стало даже побольше, чем во мне. Верхние ее лапы теперь напоминали клешни гигантского богомола, тогда как при взгляде на нижнюю часть тела я волей-неволей вспомнил про Палача. Но если создания Лотия имели четкое разделение на человеческую и паучью половины, то здесь тварь выглядела до отвра-

щения цельной. Здоровенная, подвижная, полностью трансформировавшаяся. Но что самое отвратительное, кроме как на лице, нормальной кожи у нее больше не было. А вместо этого она оказалась покрыта липкой пузырящейся грязно-серой массой, к которой не то что прикасаться — на нее смотреть было тошно.

Впрочем, на скорости это не сказалось — вырвавшись на свободу, тварь на редкость проворно развернулась и, отыскав меня глазами, торжествуя осклбилась.

Мы с Корном не стали ждать, когда она ринется в новую атаку, так что стоило ей повернуться, как в нее полетели сразу два огненных сгустка — беспросветно-черный и, наоборот, слепяще-белый, которые смачно зарядили твари в лоб, с оглушительным треском разлетелись тягучими каплями и... не заставили бабку даже отступить. Более того, даже вреда никакого не причинили! Мое безотказное пламя стекло с нее, словно с пустого места, тогда как заклинание шефа не оставило и крохотного ожога!

— Артур Рэйш! — рывкнула она, проворно метнувшись в нашу сторону.

Времени на раздумья не было, поэтому я швырнул в нее еще один сгусток, побольше, и, оттолкнув Корна, рывком ушел на темную сторону. Дураком он не был, поэтому при первом же удобном случае разрядил в тварь сразу несколько спрятанных под одеждой артефактов. Эффекта, правда, никакого не получил, но мне и нужно-то было всего мгнове-